

«Марийская осень-82»

Фестивальный портрет

Любить, чтоб быть любимым

Сегодняшний Ленинград немислим без лауреата Государственной премии, народной артистки СССР Алисы Фрейндлих. Ее имя стоит в ряду с именами Г. Товстоногова, Е. Лебедева, И. Горбачева, прославляющими город на Неве. Искусство замечательной актрисы принадлежит всем. Концертные залы Йошкар-Олы взрывались от аплодисментов, когда у рампы появлялась хрупкая фигура очаровательной гостьи фестиваля искусств «Марийская осень-82».

ОНА РОДИЛАСЬ в старом ленинградском доме на Исаакиевской площади. Из окон квартиры был хорошо виден собор, а в пяти минутах ходьбы от дома стоял знаменитый Медный всадник и открывался захватывающий вид на Неву. Очарование прекрасного города с детства вошло в душу будущей актрисы и пронзило, оклдовало ее на всю жизнь.

Театральный успех Алисы Фрейндлих пришел к ней вслед за дебютом. В конце 50-х годов, еще студенткой Ленинградского театрального института, она покорила зрителей и критику своими подражаниями, полнокровно жившими на сцене театра имени В. Ф. Комиссаржевской. Спустя три сезона ее сценическая слава продолжает расти в театре имени Ленсовета (ныне — Академическом, в чем немалая заслуга актрисы). Художественное значение сделанного уже в первые годы творческого пути приравнивалось к достижениям лучших актеров московского театра «Современник»...

И хотя киносудьба Алисы Фрейндлих поначалу упрямо, годами не складывалась, сегодняшний разговор — о ее месте в современном кинематографе. Ибо для массового зрителя имя замечательной актрисы прежде всего связано с киноэкраном.

— Алиса Бруновна, долгое время считалось, что вы созданы для театра и только для него. В интервью 1969 года вы сделали невольное признание — «Мои чувства к кинематографу не имеют взаимности: я его люблю, он меня нет».

Не станем забегать вперед, приводя известные всем примеры любви сложившейся, взаимной. Вы исполнили роли, разные по масштабу, в полутора десятках кинокартин (впрочем, в количестве ли дело?). В какой из них вы обрели уверенность, что вы — актриса кино. Или эта уверенность не покидала вас с самого начала?

— Возможно, я вас разочарую, но такой уверенности нет.

— Даже после Людмилы Прокофьевны из «Служебного романа», Лидии Васильевны из «Старомодной комедии»?

— Понимаете, театр и кино — очень разные вещи. У каждого свои преимущества и ограничения. Присутствие зрительного зала действует на меня возбуждающе, заставляет жить. В условиях киносъемки подобный эффект на грани невозможного. Это удаётся немногим, скажем, Эльдару Рязанову. Он работает с театральными актерами и умеет создать на съемочной площадке микро-театр, в который окунаются все — от главного героя до статистов. Но это дар от природы, который встречаешь нечасто.

— Бытует мнение критиков, что в театре вам наиболее удаются драматические, а в кино — комедийные роли. Что в этом — случай-

ность или закономерность?

— Случайность. Конечно, случайность. Я люблю играть в комедии. А драматических ролей мне в кино не предлагали. Это не связано с моей волей. Существует мнение, что драматическая актриса должна быть красивой. Я себя такой не считаю.

— Для массового зрителя соотношение ролей, сыгранных вами в театре и кино, подобно айсбергу, большая часть которого скрыта под водой. Не вызывает ли у вас это обстоятельство чувство неудовлетворения? Какие театральные роли вам хотелось бы перенести на экран?

ней и внутренней характерности, изменчивость свойств.

— Вернемся к вашей роли в «Служебном романе», столь виртуозно, контрастно сыгранной. Если говорить в трех словах, то картина — о перерождении человека под влиянием любви. Есть, как минимум, две теории сказочного превращения Калугиной, которую за глаза зовут мымрой, в Калугину — любящую и любимую. Первое: Золушка, дожидаясь своего принца. Второе: гадкий утенок, превращающийся в прекрасного лебедя. Что, на ваш взгляд, вернее?

— Если довести сюжет до схемы, то верны обе теории.

нистратора. Каждая стыдится показать свою боль, но способы спрятать ее разные.

Уйти от одиночества? Рецепт нет, не существует. Конечно, есть любовь, но нельзя ее предписывать, как рецепт, программировать, как задачу. Чем больше на нее рассчитываешь, тем меньше она является. Но в любом случае «замыкаться в раковине» — не выход. Это куда менее плодотворно, чем раздать себя в порядке добра, того же сопереживания, сочувствия...

— Актёру присуще чувство неудовлетворенности. В театре оно реализуется легче: в последующих репетициях, спектаклях. Случалось ли вам чувствовать его в кинематографе? Что в последних ролях вы изменили бы, будь такая возможность?

— Чувство неудовлетворенности? Конечно! От него невозможно скрыться. Но везде оно свое, разное. Театр близок еще и потому, что он весь в движении, он, как живой организм. Иногда происходящее на сцене, толкаемое внутренней энергией, развивается спонтанно, помимо воли режиссера. В этом великое преимущество театра. Существуют репетиции, во время которых накапливается какой-то особый потенциал... В кино иначе. Кинофильм можно снять задом наперед, начать с финальной сцены и склеить пленку в заданной последовательности. Нужно чувствовать перспективу. Многие работают в кино по театральным принципам. Никита Михалков очень долго репетирует, потом очень быстро снимает.

В своих ролях изменила бы многое. Но что именно — трудно сказать. Нужно вернуться в роль, пережить ее заново.

— Если бы вам предложили кинороль — концертный номер, какой вы хотели бы ее видеть? В нескольких словах портрет этой героини. С какими актерами и режиссерами вам было бы интересно работать?

— Мечтаю сыграть роль сорокалетней женщины. Это переломный, полный драматизма возраст. Он весь из противоречий. Казалось бы, наиболее полная пора человеческой жизни. Но, представьте, человек внутренне еще молод, еще бежит со вчерашней, бездумной скоростью. А внешне начинает сдавать. Усталость наступает на пятки. Самый тяжелый период в нравственном, психологическом, каком-то отношении. Человек еще не приучился со-размерять свои физические возможности с потребностью бежать, как в двадцать лет, с каждой счастливой беспечности... Это время пересмотра, переоценки всего накопленного с годами...

Я люблю многих актеров: О. Ефремова, А. Калыгина, С. Любшина, И. Смоктуновского. Интересно было бы работать с режиссерами Н. Михалковым, Э. Климовым, А. Тарковским, Э. Рязановым...

— Несколько лет назад в беседе с журналистом вы сказали: «Чем живу? Театром. Что люблю? Театр. Для артиста театр — это вся жизнь, суть и форма существования. Это его и призвание, и профессия, и ремесло». Ответ исчерпывающий. И все-таки: чем вы занимаетесь в «свободное от театра время»? Каковы ваши увлечения?

— В лес люблю ходить. Моя страсть — собирать грибы. И просто гулять. Забраться куда-нибудь в глушь, подальше от шума, и гулять, ни о чем не думая.

Беседу провел
Б. ВИШНЕВСКИЙ.
Фото Б. Филатова.

— Все. Каждый актер мечтает расширить рамки своего творчества. Но есть масса «нетворческих» причин, которые этому мешают. Ленинградские театры, в отличие от московских, имеют мало возможностей экранизировать спектакли. Может быть, вы не знаете, но Ленинград в этом смысле — провинция. В редких случаях московская бригада согласится ездить к нам на съемки или возить к себе актера. Трудности тут чисто финансовые, да и время не позволяет. Потому что, увы, нечасто видишь на экране хорошие собственные спектакли.

— Существует проблема творческого амплуа. Для многих актеров оно превращается в прокрустово ложе, ограничивает возможности самовыражения...

— Видите ли, рамки амплуа сохраняются. Это идет от классической традиции. Следуя ей, антрепренер собирал раньше труппу. Возьмите «Горе от ума»: здесь каждый герой — четко очерченное амплуа. Сейчас эти догматические рамки размываются. Актеры выходят за них, преодолевают, как это порой ни мучительно. Появляется второй план, который помогает скрывать свои чувства, делать роль многоплановой. Чистое амплуа и зрителя сегодня не удовлетворяет — жизнь становится все сложнее, психика людей все тоньше...

— Что ж, говоря по старинке, есть ли у вас амплуа?

— В моем институтском дипломе оно определено как острохарактерное. А жизнь преподнесла характеры разные. Всегда искала острые повороты, когда на изломе души открывается суть. Важно развитие, движение внеш-

ней, припомним, гадкий утенок становится прекрасным сам по себе, в силу заложенных в нем свойств. А на Золушку действуют извне. Это ближе Калугиной.

— Однако Золушка — ждет, она пассивна. Любовь же Калугиной деятельна. Вспомним и то, что она начинается с сострадания к невезучему Новосельцеву, с желания помочь, участвовать в его судьбе. Сначала как администратору, потом как женщине.

— Да, это немаловажное обстоятельство. Тут было задумано показать, что любовь, живущая в каждом из нас, так и не найдет выхода, если не сделать первый шаг. А это со-чувствие, со-страдание, со-переживание. Чтобы быть любимым, надо любить...

Для понимания фильма важно и то, что здесь в полной мере использована система масок. Респектабельный с виду человек не выдерживает проверки обстоятельствами и обнажает фальшивую, полную противоположности суть. И наоборот, неназистый герой внутренне прекрасен. Это очень характерно для жизни.

— Есть многое, что роднит Лидию Васильевну из «Старомодной комедии» и Людмилу Прокофьевну из «Служебного романа». Я не сторонник делать из кино практические выводы: искусство — не инструкция. Но вы как актриса, пережившая судьбу одинокого и поэтому несчастливому человека, вправе советовать, как уйти от одиночества?

— Их роднит одиночество, это верно. Но переживают они его по-разному. Одна — за показной беззаботностью, другая — за непроницаемым обличьем адми-